

Переходя къ заявленіямъ болгаръ, обращеннымъ къ русскому правительству въ эти же первые годы XIX вѣка, отмѣтимъ прежде всего, что вопросъ о собственно болгарскихъ судьбахъ былъ затронутъ—не поставленъ во всей его значительности, а именно затронутъ ранѣе въ запискѣ митр. Стратимировича. Здѣсь мы встрѣчаемъ пассажъ, въ которомъ отмѣчается „Россіи намѣреніе, еже Болгарією и Тракією и началомъ Чернаго и Средиземнаго моря овладѣть“. Въ запискѣ Софронія Врачанскаго и, вѣроятно, въ той, которая въ развитіе ея положеній—была представлена его соотечественниками русскому правительству—также излагается „единодушная жажда желанія быть съ преданностью подъ Россійскою Державою“. „По свойству вѣры и по сходству языка они (болгары) почитаютъ себя быть руссійскими“, пишетъ Софроній, онъ поручаетъ молить царя „о призрѣніи съ высоты престола Его на толь гиблющее положеніе помянутыхъ христіанъ, кои подъ тяжкимъ бременемъ находятся, и о удостоеніи оныхъ подъ величественный свой покровъ, дабы въ присоединеніи подъ премудрымъ правленіемъ Монарха Всероссійскаго купно съ Россіянами благословляли Царя Небеснаго и царя земного“.

Такъ изъ среды самой русской правительственной власти, изъ среды русскаго общества и славянскихъ народовъ раздавались громкіе голоса о необходимости для Россіи широко поставить юго-славянскій вопросъ и найти пути для освобожденія народовъ сербскаго и болгарскаго изъ подъ власти турокъ. Эта историческая задача Россіи была въ концѣ концовъ въ той или иной мѣрѣ осуществлена,—однако, это случилось много позднѣе, чѣмъ формулированы были выше приведенныя заявленія и молибы. Историческій моментъ, вѣрнѣе, историческая эпоха начала XIX вѣка возложила на Россію рядъ сложнѣйшихъ политическихъ задачъ, среди которыхъ юго-славянскій вопросъ былъ лишь однимъ изъ слагаемыхъ, часто отступавшихъ на заднее мѣсто передъ лицомъ другихъ проблемъ и заданій времени. Въ этомъ смыслѣ понятна и неточность русской юго-славянской политики первыхъ лѣтъ царствованія Александра I-го. Обнадеживая южныхъ славянъ, намѣчая смѣлый планъ вооруженія славянъ для обезпеченія большого маневра противъ Наполеона въ 1812 году (планъ адм. Чичагова), Россія ставилась событіями на другихъ фронтахъ и въ другой политической перспективѣ въ невозможность развитія намѣченныхъ плановъ—къ отчаянію славянъ. Бухарестскій миръ 1812 года и вторженіе Наполеона въ Россію были, въ сущности, концомъ активной юго-славянской политики въ Россіи при Александрѣ I-омъ. Но это было рубежомъ для правительственной